

Цзян Жулянь попала на гору Тинъюнь случайно — её подобрали.

Она помнила, как барахталась в воде, и волна за волной били по ней, намочив перья. К счастью, когда она была уже на грани утопления, кто-то вытащил её из воды.

Завёрнутая в холстину, она всю дорогу тряслась, и ещё до того, как открыла глаза, почувствовала тонкий аромат дерева.

Ощувив тепло, она, дрожа, прижалась к источнику жара.

— Цинцян, что это ты такое прижимаешь к груди?

Она услышала человеческий голос. Фениксы рождаются с даром знания — языки всех рас с самого рождения были запечатлены в её сознании.

— Это демон, которого подобрал учитель, — ответил другой голос. Он звучал молодо, но спокойно и уверенно.

— Опять Сяо Бай тащит в дом всякую нечисть?

Светозащитная ткань приподнялась, и она поспешно спрятала голову под крыло, свернувшись в красный пушистый комочек.

— О, да это же феникс. С такими существами много хлопот. Может, отдашь мне? Я помогу тебе его вырастить.

— Благодарю дядю за заботу, но учитель перед уходом наказала мне хорошо присматривать за ним. Если она вернётся и спросит, а я не смогу ответить, мне будет нелегко оправдаться.

— К тому же, раз с ним столько хлопот, зачем утруждать дядю? Если возникнут проблемы, я возьму всю ответственность на себя.

Она не понимала, что означал этот обмен любезностями, лишь услышала, как первый собеседник рассмеялся.

— Совсем ещё юная, а уже такая непробиваемая.

Затем её бережно отнесли обратно на пик Цинло и положили на мягкую подстилку.

Мир вокруг перестал качаться, и она медленно открыла глаза.

Девушка в белом даосском халате стояла к ней спиной и закатывала рукава. Её белые волосы были собраны деревянной шпилькой и аккуратно ниспадали на спину.

Девушка замесила тесто, развела огонь и поставила пароварку. Движения были отточенными и плавными — видно, что она делала это не раз.

Когда пар рассеялся, девушка открыла пароварку, достала белый пухлый паровой хлебец и разломала его на крошечные кусочки.

Девушка повернулась с тарелкой, и Цзян Жулянь наконец смогла разглядеть её лицо.

Холодные, отстранённые черты напоминали далёкие весенние горы с картины, а родинка у глаза, словно летящая птица, придавала всему лицу живое очарование.

Она поставила тарелку перед Цзян Жулянь, зачерпнула ковшом воды, налила в маленькую чашку и поставила рядом.

После этого она, не оглядываясь, вышла из комнаты.

Цзян Жулянь встряхнула крыльями и присела рядом с хлебцем. Она была голодна до смерти.

Но не притронулась к еде.

Птенцы феникса не едят ничего, кроме ростков бамбука.

Поэтому, когда Цинцян вернулась после тренировки с мечом, она обнаружила, что паровой хлебец остался нетронутым, а маленькая птица свесила голову набок, выглядя так, будто дни её сочтены.

Грудка едва вздымалась, красные перья были всклокочены, а хвостовых перьев ещё не было вовсе. Она выглядела даже хуже, чем цыплята у фермеров под горой.

Цзян Жулянь с трудом моргнула. Секунду назад Цинцян стояла перед ней, а в следующую — исчезла.

У неё не было сил размышлять, почему. Духовная энергия внутри неё иссякала, а демоническая жемчужина была на грани распада.

Когда она уже почти теряла сознание, её клюв насильно разжали, и на языке она почувствовала вкус крови.

Вслед за этим хлынул поток густой духовной энергии. Кто-то кормил её своей кровью, чтобы насильно продлить жизнь.

Но эта кровь была лишь утолением жажды ядом — выпив её, она почувствовала ещё больший голод.

Когда Цинцян убрала пальцы, Цзян Жулянь отчаянно потянулась вперёд и жалобно пискнула.

— Цзи!

Как бы спокойна ни была девушка, иногда она не могла скрыть истинных чувств. На лице Цинцян появилось глубокое недоумение:

— Разве фениксы так кричат?

На пике Цинло, кроме неё, не было других людей, лишь одна птица, и никто не мог ответить на её вопрос.

Она сунула феникса в корзину, выстланную одеялом, и, подхватив меч, вышла за дверь.

В этот раз Цзян Жулянь ждала ещё дольше — так долго, что тонкая полоска света в щели окна сменилась с яркого золота на холодную белизну.

Остатки духовной энергии окончательно иссякли. Перед глазами поплыли тёмные пятна. Прямо перед тем, как она провалилась в забытье, Цинцян толкнула дверь.

Похоже, она долго бежала: на висках выступил пот, подол даосского халата был в грязи — она выглядела более потрепанной, чем когда-либо.

Тяжело дыша, она достала из сумки зелёный плод.

С усилием разломив его, она извлекла полные духовной энергии зёрна бамбука.

Цзян Жулянь снова ожила.

Съев бамбук, она принялась приводить в порядок перья, терпеливо и тщательно распутывая каждый узелок.

Цинцян села перед ней и взялась за письмо.

Обмакнув кисть в густую тушь, она вывела изящным почерком: Феникс не ест ничего, кроме ростков бамбука...

Цзян Жулянь подпрыгнула и примостилась рядом с рукой Цинцянь, потираясь о неё мягким пухом.

— Не двигайся, — Цинцянь легонько оттолкнула её.

Та не сдалась, подошла снова и на этот раз ткнулась головой ей в ладонь.

Цинцянь, не отрываясь, ухватила её за шею и пересадила на свежесрезанную ветку платана.

Сама же она встала и вышла, чтобы посадить саженцы бамбука.

Она думала, что вопрос с едой и кровом решён, но не ожидала, что возникнут куда более серьёзные проблемы.

Окрепший птенец феникса, кроме умения кричать и двигаться, ничем не отличался от универсальной чудодейственной пилюли.

Сегодня с неба свалился гудяо, завтра, открыв глаза, она видела гигантского питона, разинувшего пасть, чтобы проглотить феникса.

С тех пор жизнь Цзян Жулянь стала захватывающей, но при этом удивительно размеренной.

Каждое утро Цинцянь просыпалась, готовила родниковую воду и бамбуковые зёрна.

Пока Цинцянь читала, птица послушно служила пресс-папье; пока Цинцянь тренировалась с мечом, она стояла на насесте, склонив голову набок и наблюдая за ней.

Четырнадцатилетняя девушка двигалась грациозно, словно дракон, её спина была прямой, как свежий побег бамбука, который не сломить ни ветром, ни инеем.

Кончик её меча чертил линии, словно распускающаяся красная слива, и эти движения мягко запечатлевались в глазах Цзян Жулянь.

Лишь изредка, проходя мимо, она гладила птицу по голове.

Лёгкое, как касание крыла стрекозы, прикосновение — и рука тут же исчезала.

Когда солнце заходило и наступало время ночных духов, слабые пытались украсть птицу, сильные давили мощью, а хитрые использовали иллюзии. Великий массив горы Тинъюнь не мог защитить от всего.

После того как Цинцян в очередной раз получила внутренние повреждения, защищая её от трёххвостого зверя, её младшая соученица, пришедшая лечить раны, посоветовала:

— Старшая сестра, зачем так надрываться? Лучше выбрось этого феникса, дядя Бай не станет винить тебя.

Цзян Жулянь молча слушала. Если её выбросят, она точно не выживет.

Инстинкт самосохранения заставлял её прижаться к пальцам Цинцян, ластиться, искать защиты. Но совместная жизнь научила её не издавать ни звука.

На теле Цинцян было слишком много ран — старые не успевали зажить, как появлялись новые.

Тот, кто поначалу обещал взять на себя заботу о птице, так и не появился, лишь прислал письмо с напоминанием, что если феникс умрёт, нужно сохранить его тушку.

Соученики с других пиков пару раз помогли, но потом тоже исчезли.

В предрассветные часы Цинцян часто лечилась в одиночестве. Она меняла повязки чётко и быстро, не издавая ни звука.

А сама птица ничего не могла сделать, только металась по насесту, сгорая от беспокойства. В лучшем случае, пока Цинцян спала, она накрывала своим телом её руку, оставшуюся поверх одеяла.

У демонов всегда царил закон джунглей, и было в порядке вещей избавляться от того, что бесполезно и приносит лишь проблемы.

Она думала, что должна успеть прыгнуть на плечо Цинцян и коснуться её лица, прежде чем её выбросят.

В комнате стоял горький запах лекарств. Цинцян накинула верхнюю одежду, из-под воротника виднелись белые бинты.

Она налила себе горячего чая. Рука, державшая чашку, была непоколебима — на поверхности воды не дрогнула ни капля.

Выражение лица оставалось спокойным:

— Не нужно. Я справлюсь.

Младшая соученица, целительница, беспомощно вздохнула:

— Старшая сестра, ты же знаешь, на твоего феникса положил глаз чёрный дракон. Дядя Кан сказал, что если хотите драться, делайте это снаружи, не портите его целебные травы.

— Да, я понимаю.

Видя, что она остаётся такой же безразличной, соученица вытащила большой свёрток, в котором оказались различные талисманы и магические артефакты.

— Вот, это защитные амулеты и духовные камни от наставников. Если не сможешь победить — беги, бросай его.

— ...

Цзян Жулянь не хотела больше слушать, спрятала голову в перья, стараясь стать как можно незаметнее.

Неизвестно, сколько времени прошло, но когда она снова открыла глаза, Цинцянь мастерила клетку.

Из прочного дерева Цзиньяо она собрала каркас, тщательно отшлифовала заусенцы, а затем поместила внутрь привычный насест. Получилась красивая птичья клетка.

Цзян Жулянь послушно присела, и как только дверца открылась, сама зашла внутрь.

Она надеялась, что Цинцянь положит туда хотя бы зёрнышко бамбука, чтобы она могла поесть в последний раз перед смертью.

Но Цинцянь достала те самые талисманы и начала наносить на клетку защитный массив.

Каждый штрих был наполнен духовной силой, сложные узоры рябили в глазах у Цзян Жулянь. Она смутно догадывалась, что делает Цинцянь, но боялась верить.

Наконец, наклеив талисман на дверцу, Цинцянь поманила её пальцем:

— Иди сюда.

Она ещё ничего не успела сказать, как Цзян Жулянь сама юркнула в клетку и даже закрыла дверцу клювом, глядя на неё блестящими глазами.

Она была послушной, как будто была ненастоящим фениксом.

Цинцяннь надела меч, подхватила клетку и спустилась с горы. В нескольких десятках ли в стороне от Тинъюнь она выбрала свободную площадку.

Она измельчила духовные камни и несколько часов, склонив голову, сосредоточенно чертила массив, используя особенности ландшафта.

Ветер усиливался, чёрные тучи громоздились в небе, превращаясь в высокие волны, казалось, они вот-вот рухнут, и маленький человек не сможет их остановить.

Цзян Жулянь увидела мелькнувшую в тучах чёрную чешую и заметалась в клетке от тревоги.

Почему Цинцяннь не уходит? Почему стоит там, как ни в чём не бывало?

Когда огромная голова чёрного дракона показалась из облаков, Цинцяннь закинула руки за спину и обнажила меч.

Звон клинка и рёв дракона слились в один звук. Цзян Жулянь застыла.

Первые минуты Цинцяннь удавалось ловко уворачиваться, но по мере того, как духовная энергия утекала, её движения становились всё медленнее.

Чёрный дракон выбрал момент и ударил хвостом. Клетка устояла, но Цинцяннь, словно воздушный змей с оборванной нитью, отлетела на несколько метров и сломала дерево.

— Кха, кха... — Цинцяннь, прижимая руку к груди, шатаясь, поднялась. В её глазах была тьма.

— Я никогда не видел людей, защищающих демонов, — чёрный дракон выдохнул зловонный пар, его глухой голос донёсся с неба. — К чему такие жертвы?

— Учитель сказала, что нельзя позволить ему умереть. Значит, защитить его — единственное, что я должна сделать.

Как только слова стихли, луна, скрытая в облаках, окрасилась в чёрный цвет.

Затем чёрная кайма становилась всё больше, постепенно поглощая полную луну. Это было ежегодное солнечное затмение, во время которого сила демонов значительно ослабевала.

Зрачки чёрного дракона сузились, потому что Цинцян подняла руку, и на земле вспыхнули переплетающиеся узоры.

Раздался оглушительный удар грома.

Молнии сплелись в плотную сеть, намертво сковав дракона, как бы он ни бился.

Цинцян с силой вонзила меч в центр массива, и в одно мгновение духовная энергия со всей округи устремилась сюда.

Её рукава развевались на ветру, в глазах отражались тысячи вспышек молний.

А в глазах Цзян Жулянь была только она.

Раздался грохот, чёрный дракон рухнул в ущелье, повалив бесчисленное количество деревьев.

Вокруг царил хаос: обломки веток, камни. Только птичья клетка в центре массива осталась невредимой.

Цинцян была на пределе.

Она невольно упала на колени, лишь с трудом опираясь на меч.

Рана на плече осталась без внимания, кровь окрасила большую часть халата. Но она застыла в одной позе, закрыв глаза, не имея сил даже подняться.

Цзян Жулянь не могла вынести того, что вынуждена лишь смотреть. Сердце бешено колотилось, всепоглощающее чувство беспомощности разрывало её на части.

Демоническая энергия внутри неё неконтролируемо бурлила, проносясь по жилам. Несмотря на то, что тело пронзала боль, она выбила дверцу клетки, и в тот момент, когда её когти коснулись земли, они превратились в человеческие ступни.

Рост, удлинение, разрушение и перестройка. Всё это можно было вытерпеть, лишь бы добежать до неё, лишь бы обнять её руками.

В тот момент, когда Цинцян открыла глаза, Цзян Жулянь уже завершила превращение.

Она с размаху бросилась в объятия Цинцянь, не обращая внимания на кровь и грязь, и крепко обняла её.

Затем, с трудом используя человеческие связки, она произнесла, запинаясь:

— Цин... Цин. Цин-Цин.

Цинцянь помолчала, вытерла кровь с уголка рта и, прижав плечи Цзян Жулянь, слегка оттолкнула её.

Она опустила взгляд и хриплым голосом произнесла:

— Зови меня старшей сестрой.

Маленький феникс поджала губы, и крупные слёзы покатались по её изящным щекам.

Хотя она не могла перестать плакать, она послушно произнесла:

— У-у, старшая сестра...

*

После того как вопрос о том, как её называть, был решён, Цинцянь больше не произнесла ни слова, а Цзян Жулянь не стала её беспокоить.

Когда они приблизились к пограничному камню, она решила напомнить:

— Старшая сестра.

— ...

Цинцянь никак не отреагировала. В руках она держала верхнюю одежду, и белый мех касался её лица — она крепко спала.

В прошлый раз, когда её обманули, это было вчера вечером. В этот раз Цзян Жулянь была гораздо осторожнее.

Глаза не бегали, руки не тянулись куда попало.

Она открыла дверцу кареты и села рядом с Цинцянь:

— Старшая сестра, мы на месте, просыпайтесь.

Пальцы Цинцянь вцепились в одежду, густые ресницы, словно крылья бабочки, подрагивали, но она не желала открывать глаза.

Что-то было не так.

Цзян Жулянь, не раздумывая, протянула руку и приложила тыльную сторону ладони ко лбу Цинцянь.

Он был горячим.

Сердце её вмиг ушло в пятки.

<http://bllate.org/book/21741/2247715>